

-Суго, в жизни каждого человека бывает время, когда трудно выразить свои чувства человеку, о котором мы мечтаем", - Кондо останавливает его на обратном пути, пока Хидзиката в смущенном восхищении смотрит на небо. Окита чувствует, как ужас нарастает в его яйцах. Большинство из нас в итоге становятся преследователями, а другие остаются на трудном и детском пути раздражения.

-Что?

-Я имею в виду, что пришло время передать тебе старое искусство преследования", - Кондо улыбается ей самым искренним образом, как будто он действительно ждал этого дня много лет. Окита сдерживается, чтобы не отправить в полет своего начальника и всю улицу сразу.

-Я не понимаю, к чему вы клоните, Кондо-сан, - но в глубине души он знает. Я - принц садистов, я не опущусь так низко, чтобы стать преследователем. Не обижайся.

-Не обижайся, малыш, - говорит она, но вдруг он сворачивается калачиком в углу, всхлипывает и бормочет что-то о "семейных узах". Окита поворачивается, чтобы идти дальше, и Хидзиката следует за ним.

-Она просто хочет помочь тебе. Хотя стать преследователем этой китайской девушки, конечно, будет непросто. Это может даже стать настоящим вызовом, вместо того, чтобы просто раздражать ее, как сопляк, которым вы являетесь. Окита не упускает насмешливый тон в его голосе, на самом деле, ублюдок едва пытался скрыть его.

Когда он прибывает в штаб-квартиру Шинсенгуми, он выбрасывает весь майонез, который смог найти в ванной комнате, и передает Ямадзаки пустые бутылки вместе с порнографией и отвратительным подмигиванием.

Окита считает себя человеком, который может легко обманывать и лгать всем окружающим ее массам. Он делал это раньше и будет делать еще долгие годы. Для него естественно лгать и самому себе, хотя в глубине души он знает (и боится), почему то, как она слишком сильно прилипает к боссу Йорозуя, создает пустоту в его желудке.

Это раздражает. Она просто раздражает своими руками, дергающими шефа за одежду, и ударами, направленными на его голову. Он злобно смотрит на них и быстро бросает оскорбления в сторону девушки (жалкая попытка привлечь ее внимание к нему, всегда к нему). Она отпускает окровавленное лицо Джина и направляет свой кулак на Окиту.

Так и должно быть, думает она, едва уворачиваясь от его ударов. Проблема в том, насколько она довольна этой рутиной.

(Настоящая проблема - это бабочки в его животе).

Не то чтобы он хотел... встречаться с ней. Одного мысленного образа достаточно, чтобы заставить его содрогнуться. Но потом она бесстрастно обнимает Джина (отцовская фигура или нет, ему наплевать) или нападает на других мальчиков, или игнорирует его, чтобы обратить внимание на кого-то другого. Это не вызывает у него приятных ощущений внутри.

Он предполагает, что Кондо тонко намекает ему, что издеваться над ней - это не совет (совет для чего вообще?), но он более или менее соглашается с этим.

Все начинается просто. Он ходит по тем же улицам, что и она, только на расстоянии многих метров. Он следит за ее движениями, и поскольку они не ссорятся и не оскорбляют друг друга,

ему удастся найти время, чтобы полюбоваться ею, даже в мельчайших деталях. Ее шаги, взмах зонтика, то, что ее волосы не имеют ни одного оттенка красного, симметрия ее тела, какие гражданские лица она приветствует, какие игриво оскорбляет. Или какие из них он отправляет в полет.

В воздухе витает некая сладость, когда он идет позади нее. И, возможно, то нежное чувство, которое он испытывает, наблюдая за тем, как она поглощает свою любимую еду (которую, как он узнал, называют рисом), не было утром. Возможно, это как-то связано с тем, насколько свободной она кажется.

(Незаинтересованным взглядом он также замечает других подростков, которые смотрят на него, ему становится плохо, поэтому он смотрит на них, улыбается и повторяет, пока никто больше не смотрит).

Она ловит его (конечно же, ловит). Она выглядит какой-то обиженной между отвращением, гневом и чем-то еще, что он не может определить (а может, и может, но не хочет признавать). Он прикидывается крутым (конечно, он бы так поступил), прикидывается; что-то о "присмотре за подозрительными пришельцами" и "долге полицейского", а затем бросает оскорбление для пущей убедительности.

В любом случае, она полностью надирает ему задницу. Окита считает, что не может винить ее, ведь он преследовал ее (звучит очень плохо, но ему все равно, ведь все садисты - негодяи). Но на следующий день он снова преследует ее.

И на следующий день.

И на следующий день.

Он уже не уверен в том, что делает. Она удивляет его половину времени, но со временем он смиряется с этим, к концу месяца раздражение становится совсем незначительным, гнев переходит в сладкую досаду, и понемногу появляется что-то еще.

Окита размышляет о глупости всего этого. Наконец, он перестает следить за ней и начинает идти рядом с ней. И именно в это время наступают их лучшие вечера.

Случайный разговор (она рассказывает ему о том, как в одиночку победила банду агрессоров, он называет ее чудовищем - хотя втайне восхищается ею).

Не совсем обычные разговоры (братья, сестры и мертвые матери, и все то, из чего состоят его кошмары).

Сумерки становятся ее любимой частью дня.

(Ее волосы кажутся такими рыжими, а глаза такими ясными).

Это не романтично и не пошло, но и не нарочито. Она в полном беспорядке, повсюду кровь, а они уже несколько часов надирают задницы бандитам. В кратчайшие мгновения она не выкрикивает его имя, как в фильмах, и не пытается вскочить, чтобы спасти его, а дергает за волосы и одним быстрым движением откидывает их назад. Пуля впирается прямо в стену и оставляет трещину там, где мгновение назад была его голова.

Именно взгляд, которым она смотрит на него (беспокойство, волнение в голубых глазах и ресницах), заставляет его обратить внимание.

Он впервые видит, как она по-настоящему сражается. Она - пятно смертоносного красного и изящного фиолетового, она пинается и стреляет, а ее ноги бледны как снег; она нежна.

-А не собираешься ли ты тоже что-нибудь сделать, ты, бесполезный мерзавец-полицейский?!

Окита впервые улыбается Кагуре открыто (не тошнотворно влюбленно, потому что он уже не соплик - или старается им не быть), видит ее без всяких предрассудков о том, как глупо было бы, если бы он действительно влюбился, как глупы девушки, как опасно открываться кому-то и какую власть он будет иметь над тобой (как страшна любовь).

Но он наблюдает за ней. Она все равно уже сильно привязалась к нему, и она не такая, как он думает, поэтому он задается вопросом, каково это - быть влюбленным в нее.

Когда борьба закончилась, он говорит ей:

-Я позаботился о 17 таких идиотах. Я уверен, что это означает, что я выиграл. И что я спасла твою жалкую задницу, теперь твоя очередь платить за мой ужин, - она улыбается. И она ведет себя самодовольно.

(И она ведет себя прекрасно).

Окита понимает, что теперь он уже глубоко влюблен.

Неожиданно ее имя звучит очень естественно. В 18 лет говорить "Кагура" было странно, непривычно и вызывало в желудке чувство бурления, которое она ненавидела. Но теперь, после долгих лет прозвищ и детских дразнилок, это слово прекрасно вылетает из ее уст.

Кагура.

Он решает, что преследовать ее больше нельзя.

Учитывая, что она не совсем обычная девушка, а он не совсем обычный ухажер (он называет себя так теперь даже при ней, возможно, надеясь, что она поймет, но она не понимает; или, возможно, она игнорирует его - и это больно), он задается вопросом, как объяснить ей свои чувства.

Такие вещи, как цветы, свидания и рукопожатия, не предназначены для него, полагает он. И, возможно, любовь не для него, а для нее. Кагура - это то, что он хочет сейчас, поэтому он найдет способ сделать это.

Впервые она называет его имя в дождливый день. Она все еще пытается доказать, что она лучше него, и он позволяет ей это (он действительно считает ее более выдающейся во многих отношениях, если бы только у нее хватило смелости сказать об этом прямо... -но тогда они больше не будут ссориться из-за этого, а где же веселье?).

И только когда она поднимает тему пар и потных рук, ей удается откровенно раздражать его. И вот она, глупая (а может, и нет, но она предпочитает думать, что это так), целует и подмигивает другим, но при этом бросает оскорбления в его адрес, ведя себя по-девчачьи.

На самом деле, он никогда не думал, что она вырастет быстрее, но она выросла, и теперь уже слишком поздно возвращать свои чувства, и даже если ему придется ждать еще два года, пока Кагура это поймет, она это сделает.

<http://tl.rulate.ru/book/82261/2560362>